

**ОЛЕГ
ХЛОБУСТОВ**

АВГУСТ

Начало " 19 г.
Оконч. " 19 г.
В том же

1991

ГДЕ БЫЛ КГБ?

Олег Максимович Хлобустов

Август 1991 г. Где был КГБ?

Серия «Суд истории»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6375345

Август 1991 г. Где был КГБ? /Хлобустов О.М.: Алгоритм; Москва;

2011

ISBN 978-5-6995-1066-5

Аннотация

Автор этой книги, Олег Максимович Хлобустов – «потомственный чекист», крупнейший специалист по истории российских спецслужб, опубликовавший более 300 различных работ по этой теме. В своей новой книге О.М. Хлобустов отвечает на вопрос, который занимает многих читателей: как могло случиться, что Комитет государственной безопасности СССР, по праву принадлежавший к числу сильнейших спецслужб мира, мог допустить развал Советского Союза? Кто, в частности, «вывел из игры» КГБ в самый драматический момент нашей истории, в августе 1991 года?.. Кроме того, основанная на архивных документах, эта книга не только знакомит читателей с историей создания и деятельности КГБ, но и с тайнами «третьей мировой» – холодной войны между Содружеством социалистических государств и блоком НАТО.

Содержание

Предисловие	4
Часть 1	7
Часть 2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Олег Максимович Хлобустов

Август 1991 г. Где был КГБ?

*Моему отцу, моим Учителям и коллегам
посвящается*

Предисловие

Один из главных вопросов, который волнует людей, небезразличных к истории нашей страны: почему Комитет госбезопасности СССР не предотвратил распад великой державы, где он был в трагическом августе 1991-го, когда решалась судьба Советского Союза, кто и как сумел «вывести из игры» всесильный Комитет? Журналист А.Г. Хинштейн, пытаясь найти ответ на этот вопрос, с горечью пишет:

«Мы сами довели свои спецслужбы до ручки... Ходили на митинги и шествия, трясли плакатами «Долой КГБ!», требуя суда над всеми, кто служил в органах... Что посеяли, то и пожали. Хотели избавиться от КГБ? Избавились.

Надо иметь мужество признать: мы сами, собственными руками уничтожили и развалили спецслужбы – некогда лучшие в мире».

Из уважения к правде жизни, позволю себе подправить журналиста: если под словом «мы» он имеет в виду совре-

менников, то это в какой-то степени справедливо, поскольку «мы отвечаем за все, что было при нас» (П. Нилин, повесть «Жестокость», 1956 г.). И в то же время, лишь ничтожная горстка политических авантюристов знала подлинные смысл и назначение этих истеричных лживых пропагандистских кампаний, а остальные же, не широко информированные и вдумчивые, граждане нужны им были лишь для создания видимости «массовки» разыгрывавшихся представлений.

«Ученым известно, – писал бывший заместитель директора ЦРУ Рэй Клайн, – что судьбы народов формируются комплексом трудно улавливаемых социальных, психологических и бюрократических сил. Обычные люди, чья жизнь – к худу ли, к добру ли – зависит от игры этих сил, редко понимают это, разве что смутно и весьма поверхностно. Одной из таких сил – с начала 40-х годов стала разведка».

Если для чекистов было характерно системное видение и понимание угроз безопасности советского государства и общества, то ныне пишущим об этом журналистам свойственен легкомысленный, поверхностно-фрагментарный взгляд на сложные вопросы скрытого геополитического противоборства двух мировых сверхдержав, – подчас при грубейшем игнорировании не только общеизвестных фактов, но и элементарных законов логики.

Сколько «правды» содержится в писаниях «ревизионистов от истории», мы предоставляем самостоятельно судить

нашим читателям.

Автор выражает самую искреннюю благодарность товарищам, на протяжении ряда лет помогавшим в работе над столь сложной и актуальной проблемой.

С уважением *О.М. Хлобустов. 2011 г.*

Часть 1

ЦРУ готовит базу в СССР

Еще в 1955 г. авторы Большой Советской энциклопедии в статье «Агентурная разведка» подчеркивали: «Наряду со шпионажем А[гентурная] р[азведка] капиталистических государств занимается также экономической, политической и идеологической диверсией».

Вопрос о назначении, сущности и содержании идеологических диверсий до сих пор вызывает немалую оживленную дискуссию в нашей стране. Что же скрывается за этим понятием?

Некоторые полагают, что за этим эвфемизмом скрывается банальная «борьба с инакомыслием», «диссидентами». Эта точка зрения представлена, например, в статье Н.В. Петрова «Специальные структуры КГБ по борьбе с инакомыслием в СССР. 1954–1989 гг.».

Однако и она не только не рассматривает всех аспектов проблемы, но и имеет ряд методологических погрешностей, существенно искажающих реальную картину исторического процесса. В этой связи вряд ли без каких-либо оговорок можно согласиться с утверждением автора о том, что «на протяжении всего периода... в структурах госбезопасности существовали подразделения, в чьи задачи входила борьба

с «преступлениями мысли», т. е. борьба со всеми теми, кто в той или иной форме выступал против советской власти». Что касается деятельности 5-го Управления КГБ СССР, то подобное утверждение представляется особенно сомнительным.

Из предмета и контекста исторического анализа Н.В. Петровым, равно как и А.И. Пожаровым, исключаются концептуальные взгляды «главного противника» – стратегов США и других ведущих империалистических государств, на цели и задачи внешнеполитического противоборства с СССР, а также роль и назначение «психологической войны».

Названные авторы также не учитывают эволюции, смены парадигм, концептуальных взглядов зарубежных теоретиков геополитического противоборства с СССР, которые во второй половине XX века также претерпели ряд существенных трансформаций. А ведь даже официально провозглашавшиеся США внешнеполитические доктрины – от концепции «сдерживания коммунизма» Г. Трумена (1947–1953 гг.), «отбрасывания коммунизма» Д. Эйзенхауэра (1954–1963 гг.), до политики «наведения мостов» Л. Джонсона (1964–1980 гг.) и «сокрушения империи зла» Р. Рейгана (1981–1988 гг.) наглядно демонстрируют это.

На наш взгляд, без учета реальных доктринальных, стратегических и тактических установок «главного противника» в области «тайной войны», воссоздать и провести объективный анализ деятельности КГБ СССР в целом и его 5-го

Управления невозможно.

Следует отметить, что зарубежными теоретиками скрытого противоборства и разведывательно-подрывного воздействия на Советский Союз идеологические диверсии рассматривалась не только как составная часть «психологической войны», но и как важнейший инструмент реализации политики «холодной войны», нацеленной на достижение победы над геополитическим соперником и конкурентом.

Напомним, что составной частью провозглашенной в 1964 г. политики «наведения мостов» являлось «функциональное проникновение в советскую систему», что означало стремление к расширению разведывательно-подрывного воздействия на СССР, а также социалистические государства Европы и Азии.

* * *

Чтобы разобраться с вопросом о сущности идеологических диверсий, обратимся к работам признанных авторитетов в деятельности спецслужб.

Еще в первом отечественном научном труде «Тайные силы (Военное шпионство)», вышедшем в 1911 году и посвященном вопросам разведки, генерал-майор Генерального штаба В.Н. Клембовский подчеркивал, что целью деятельности разведки является добывание сведений об армиях, вероятных Театрах военных действий, о населении и об эко-

номике.

При этом к группе «Сведений о населении» были отнесены: примерная густота населения, состав его по племенам и вероисповеданиям, настроения жителей, их нравы, обычаи, род занятий, степень зажиточности, административное устройство, количество и характер населенных пунктов.

В числе общих выводов, Клембовский указывал, что потом неоднократно повторялось многими писавшими о проблемах обеспечения безопасности: «Пока идеи о всеобщем разоружении и всесветном мире не вышли из области мечтаний, каждое государство должно быть готово к войне со своими соседями». А готовность эта выражается, в том числе, и во внимательном изучении средств борьбы сопредельных государств, что звучит по-прежнему актуально и сегодня. Поэтому автор указывал и на «необходимость постоянного осведомления о намерениях и силах, как материальных, так и нравственных, своих соседей». В то же время подчеркивая необходимость скрывать собственный оборонительный потенциал.

В записке, представленной в 1915 г. в комиссию по реорганизации российской контрразведки В.А. Ерандаковым, до этого в течение пяти лет возглавлявшим Петроградское контрразведывательное отделение (КРО), подчеркивалось, что германская разведка осуществляет не только сбор военных сведений о действующей армии, но и активно ведет дипломатическую, торгово-промышленную (экономиче-

скую) разведку, организует акты саботажа и диверсий, ведет подрывную пропаганду.

В одной из первых советских работ, изданной Разведывательным управлением РККА в 1921 г., пособии заместителя начальника отдела агентурной разведки РУ РККА Александра Ивановича Кука «Канва агентурной разведки» подчеркивались 2 важнейших вывода:

1. Агентурная разведка не разграничивает понятий мирного и военного времени.
2. К числу важнейших политических задач разведки относится оказание целенаправленного воздействия на население враждебного государства посредством прессы, пропаганды, распространения слухов, распространения определенных идей и взглядов, подрывающих веру во власти собственной страны.

История Первой мировой, особенно деятельность германской разведки, давали немало оснований для подобного умозаключения.

Подчеркнем одно чрезвычайно важное обстоятельство: аналогичные взгляды на задачи и роль спецслужб в будущем, характер и содержание «тайной войны» высказывали и зарубежные исследователи. Ведь уроки Первой мировой подводились всеми участвовавшими в ней странами и из них делались соответствующие выводы.

Как бы вторя Куку, в 1923 г. руководитель германской разведки в годы Первой мировой войны Вальтер Николаи

пророчески писал о будущей роли разведки в мировой политике: «По пути к будущему развитию идет разведка, стремящаяся этот путь распознать и на него повлиять. Тайная сила разведки будет в будущем гораздо более значительной, нежели была в прошлом и есть в настоящее время».

* * *

Еще дальше в обосновании стратегии и тактики тайной войны пошел наш соотечественник, генерал-майор Генерального штаба царской армии Н.И. Батюшин.

В частности, в лекциях, читавшихся в Болгарии для военных курсов русских эмигрантов, он подчеркивал:

«Так же, как армия и флот являются орудием стратегии, так слово или пропаганда вообще есть оружие политики, причем и стратегия, и политическая пропаганды должны работать рука об руку, имея лишь одну цель – победу над врагом. Политическая пропаганда преследует цель... понижения духа своего противника непосредственным воздействием или через нейтральные страны.

...Методы политической пропаганды должны быть чрезвычайно деликатны, дабы лозунги ее не били в глаза своей резкостью, а как бы носились в воздухе, незаметно создавая настроения масс, т. е. народное движение».

В 1925 г. эти лекции стали основой его книги, изданной в г. Софии. Основываясь на собственном контрразведыва-

тельном опыте, Батюшин отмечал:

«Уже Первая мировая война наряду с огнестрельным оружием выдвинула в равное с ним положение и психологическое оружие – слово, являющееся средством политической пропаганды, действующее на моральный элемент народов».

Обосновывая этот вывод, Батюшин приводил слова начальника германского экономического штаба при военном министерстве полковника Томаса, более 70 лет назад писавшего: «Весь мир знает, что будущая война будет не только войной оружия, но что и весь народ со всей его мощью, его хозяйством, его возможностями и знаниями, духовными и материальными ценностями, должен будет принять участие в ней» (*Illustrierte Zeitung*, 26 ноября 1936 г.).

В предисловии к изданной в Париже в 1938 г. книге о деятельности германской разведки в годы Первой мировой войны вице-председатель Высшего военного совета Франции генерал Максимилиан Вейган также писал: «Вероятно, никогда еще столько не говорили о войне, как теперь. В разговорах все сходятся на том, что если бич войны снова поразит Европу, то на этот раз война будет «всеобъемлющей» («тотальной»). Это значит, что в борьбе будут участвовать не только люди, способные носить оружие, но будут мобилизованы и все ресурсы нации, в то время как авиация поставит самые отдаленные районы под угрозу разрушения и смерти».

Напомним, что писалось это еще за полтора года до начала реализации гитлеровских планов по «расширению гер-

манского жизненного пространства», но когда уже предчувствие новой большой войны стало постепенно овладевать сознанием элит сопредельных Германии государств.

«Наряду с открытым нападением на врага, – продолжал Вейган, – в широких масштабах развернется и так называемая «другая война» – война секретная и также «всеобъемлющая», в задачу которой войдут деморализация противника, восстановление против него широкого общественного мнения (пропаганда), стремление узнать его планы и намерения (шпионаж), препятствование снабжению (диверсии в тылу)...».

Здесь следует отметить, что Максимилиан Вейган хорошо знал, предмет о котором он говорил, поскольку до этого в течение 5 лет возглавлял французский Генеральный штаб, которому подчинялось знаменитое «2-е бюро» – военная разведка Франции.

А в описываемый период он лично вел переговоры с турецкими властями и представителями антисоветской кавказской послереволюционной эмиграции об организации разведывательно-подрывной работы на территории СССР.

Давая общую оценку представляемой работе, Вейган прозорливо отмечал, что «подобные книги, разъясняя факты минувшего, дают читателю возможность до некоторой степени проникнуть в тайны будущего».

Следует отметить, что зарубежными теоретиками скрытого противоборства и разведывательно-подрывного воздействия на Советский Союз идеологическая диверсия рассматривалась не только как составная часть «психологической войны», но и как важнейший инструмент реализации политики «холодной войны», нацеленной на достижение победы над геополитическим соперником и конкурентом.

По мнению западных теоретиков разведки, психологическая война – это координация и использование всех средств, включая моральные и физические (исключая военные операции регулярной армии, но используя их психологические результаты), при помощи которых уничтожается воля врага к победе, подрываются его политические и экономические возможности для этого; враг лишается поддержки, помощи и симпатий его союзников и нейтралов или предотвращается получение им такой поддержки, помощи или симпатий; создается, поддерживается или увеличивается воля к победе нашего собственного народа и его союзников; приобретается, поддерживается или увеличивается поддержка, помощь и симпатии нейтралов.

«При Трумэне – мы цитируем русскоязычное издание книги Р. Клайна «ЦРУ от Рузвельта до Рейгана», выпущенное в Нью-Йорке в 1988 г., – Совет национальной безопасно-

сти в декабре 1947 г. возложил на ЦРУ проведение тайных операций и акций психологической войны, хотя этой задачи ЦРУ и не было указано в законе о его образовании, принятом двумя месяцами ранее».

А в мае 1948 г. для проведения тайных акций в ЦРУ создается Управление координации политики (УКП). Интересная деталь: если в 1949 г. в УКП были 302 сотрудника, то в 1952 г. уже 2 812 человек трудились только в его вашингтонской штаб-квартире, не считая 3142 сотрудников, работавших за границей. Бюджет УКП увеличился с 5 млн. долларов в 1949 г. до 82 млн. долларов в 1952 г., поглощая львиную часть средств, ассигновывавшихся для работы ЦРУ.

Приведем также свидетельство американского историка Дэвида Лове: «До конца 60-х годов засылка советников, обору́дования и денег на поддержку оппозиционных сил и организаций в социалистических странах была основным методом идеологической войны» (David Love. *Idea To Reality: A Brief History of the National Endowment for Democracy*. // www.ned.org). Когда же выяснилось (и это стало достоянием прессы), что в эту активность было вовлечено ЦРУ, президент Джонсон приостановил ее, и до середины 70-х годов шел поиск новых методов и подходов в подрыве социалистических государств.

Все эти годы КГБ активно и достаточно успешно боролся с попытками западных спецслужб нанести удар по СССР изнутри путем создания в нашей стране мощной антисоветской базы. В приказе КГБ «Об усилении борьбы органов государственной безопасности с враждебными проявлениями антисоветских элементов» № 00175 от 28 июля 1962 г. подчеркивалось, что «в советском обществе пока еще имеются антиобщественные элементы, которые под влиянием враждебной пропаганды извне становятся на антисоветский путь, возводят злобную клевету на политику партии и Советского государства, распространяют различного рода провокационные слухи с целью подрыва доверия народа к партии и правительству, а при определенных условиях пытаются использовать временные трудности, возникающие в ходе коммунистического строительства, в своих преступных целях, подстрекая при этом политически неустойчивых людей к массовым беспорядкам».

В этой связи всему руководящему и оперативному составу предписывалось «не ослабляя борьбы с подрывной деятельностью разведок капиталистических стран и их агентуры, принять меры к решительному усилению агентурно-оперативной работы по выявлению и пресечению враждебных действий антисоветских элементов внутри страны».

Нередко ранее, да и сейчас еще, говорится о якобы преследовании «диссидентов» за инакомыслие, ущемлении «прав» на собственное мнение, свободу его выражения и распространения информации.

Однако следует заметить нашим соотечественникам, что свобода слова и распространения информации, вопреки широко распространенному, но ошибочному, мнению, отнюдь не безграничны.

Часть 3 статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, ратифицированного Президиумом Верховного Совета СССР 18 сентября 1973 г., устанавливает, что пользование правом на свободу слова «налагает особые обязанности и особую ответственность. Оно может быть, следовательно, сопряжено с такими ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом и являться необходимыми:

- а) для уважения и репутации других лиц;
- б) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения».

Еще более категорична на это счет часть 2 статьи 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, принятая еще 4 ноября 1950 г.

Данная статья устанавливает, что право на свободу выражения своего мнения, получать и передавать информацию «поскольку это согласуется с обязанностями и ответственностью, может быть предметом таких формальностей, усло-

вий, ограничений или наказаний, предусмотренных в законе и необходимых в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или публичного порядка в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для защиты здоровья и морали, а также для защиты репутации или прав других лиц, для предотвращения утечки информации, полученной конфиденциально, или поддержания авторитета и беспристрастности правосудия».

* * *

Представляется необходимым остановиться и на следующем принципиальном вопросе. Ныне, многие авторы, ставя в вину Андропову деятельность 5-го управления КГБ, которое они называют «идеологическим», указывают на появление при Андропове так называемых «диссидентов», которые также нередко именуются «правозащитниками».

Один из недавно вышедших энциклопедических словарей так трактует это понятие: «Диссиденты (от лат. *dissides* – несогласный) – название участников движения против тоталитарного режима в СССР с конца 50-х годов. Д. в разных формах выступали за соблюдение прав и свобод человека и гражданина (правозащитники), против преследования инакомыслия, протестовали против ввода советских войск в Чехословакию (1968 г.), Афганистан (1979 г.). Подвергались

репрессиям со стороны властей».

За что конкретно – авторами естественно умалчивается. Как умалчивается и то, что деятельность национальных движений в СССР поддерживалась зарубежными эмигрантскими центрами, такими, как Антибольшевистский блок народов, различные исследовательские центры, которые оказывали участникам движений на территории СССР материальную поддержку.

Ради исторической правды отметим еще, что как сообщают очень многие писавшие о деятельности «диссидентов» в СССР, например, Л.М. Алексеева и О.А. Попов, очень узок был круг этих «революционеров», и крайне далеки были они от народа, от его повседневных нужд и забот. Хотя и поднимали столь «актуальные проблемы» как защита прав геев и лесбиянок в Советском Союзе!

Можно согласиться с тем, что лица, выступавшие против советского правительства по тем или иным вопросам внутренней или внешней политики, в определенном смысле слова были «инакомыслящими». Однако мы категорически против распространения этого термина применительно к лицам, привлекавшимся к уголовной ответственности за конкретные уголовно наказуемые деяния.

Может возникнуть закономерный вопрос: а как следует оценивать существовавшую в Уголовном кодексе РСФСР тех лет статью 70, предусматривавшую уголовную ответственность за антисоветскую агитацию и пропаганду?

Статья 70 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. устанавливала уголовную ответственность за агитацию или пропаганду, проводимую в целях подрыва или ослабления Советской власти либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочивших советский государственный строй, а также распространение, изготовление или хранение в тех же целях в письменной, печатной или иной форме произведений такого же содержания.

А часть 2 данной статьи предусматривала ответственность за те же действия, совершенные с использованием денежных средств и иных материальных ценностей, полученных от иностранных организаций или лиц, действующих в интересах этих организаций. (Данная статья была исключена из уголовного законодательства СССР только 11 сентября 1989 г.).

Помимо этого статья 72 УК РСФСР предусматривала ответственность за организационную деятельность, направленную к подготовке или совершению особо опасных государственных преступлений, а равно также за создание организаций, имеющих целью совершать такие преступления, или участие в антисоветской организации.

Также Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 сентября 1966 г. была введена уголовная ответственность за «систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский госу-

дарственный и общественный строй, а равно изготовление или распространение в письменной, печатной или иной форме произведений такого содержания...» (Статья 190-1 УК РСФСР. Исключена из Уголовного кодекса Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 сентября 1989 г.).

По сути своей ничего антизаконного, антидемократического в содержании статей 70 и 190-1 УК РСФСР не присутствовало. Тем более, что в ее диспозиции прямо указаны квалифицирующие, то есть необходимые для признания конкретного деяния уголовно наказуемым, его признаки.

* * *

Представляется необходимым привести и еще одну весьма компетентную точку зрения по данному вопросу.

В конце 2003 г., в статье «Защитники прав человека или «агенты глобализма»?», бывший активный участник «правозащитного движения» в СССР О.А. Попов подчеркивал: «Что же касается защиты прав, жизненно важных для подавляющего числа советских граждан, таких, как право на безопасность, на труд, на образование, на жилье, то эти социальные права правозащитников, как можно судить по их заявлениям и выступлениям, не слишком заботили...».

На веб-сайте Фонда Форда (www.fordfound.org) любой заинтересованный читатель может прочитать, что «с 1950 г. Фонд Форда начал поддерживать проекты, ориентированные

на Советский Союз и страны Восточной Европы. В 1950–1988 гг. около 60 млн. долларов было выделено на анализ ключевых проблем взаимоотношений Востока и Запада, поддержку свободы слова, культурного плюрализма и соблюдения прав человека. В 1989 г. фонд принял решение о прямой поддержке «прогрессивных» организаций в Советском Союзе, Польше, Венгрии, чтобы ускорить процесс демократизации и экономического реформирования этих государств. На эти цели в 1989–1994 гг. было направлено приблизительно 30 млн. долларов США». Подчеркнем при этом, речь идет о деятельности и расходах лишь одной из организаций, оказывавших «помощь» социалистическим странам, при этом само содержание такой «помощи» в «поддержке свободы слова» и так далее не раскрывается.

Подчеркнем и то немаловажное обстоятельство, что еще В.Е. Семичастный подчеркивал, что в 1950-е гг. американские стратеги начали предпринимать попытки перенести игру на территорию СССР, приступив к созданию «организованного движения сопротивления».

В своих мемуарах В.Е. Семичастный небезосновательно приводил записку председателя КГБ и генерального прокурора СССР Р.А. Руденко в ЦК КПСС о том, что с декабря 1965 г. в Москве участились случаи выступлений с требованием пересмотра законодательства, отмены статьи 70 УК РСФСР, освобождения задержанных за распространение антисоветских листовок. При этом, по его свидетельству, «эти

действия не имели случайного характера, а были инспирированы извне», он упоминает о группе из 35–40 человек, связанной с НТС (Народно-трудовым союзом).

А в одной из аналитических записок КГБ в середине 80-х гг. говорилось о деятельности иностранных спецслужб по инспирированию так называемого «демократического движения» в СССР: ««Демократическое движение» – выражение, использовавшееся специальными службами противника и зарубежными антисоветскими центрами в акциях идеологической диверсии в 1965–1977 гг. для создания видимости наличия в нашей стране оппозиционного течения и склонения отдельных лиц к активным враждебным действиям.

В целях стимулирования «демократического движения» ЦРУ совместно с НТС подготовило для распространения в СССР «Программу демократического движения Советского Союза», в которой ставилась задача ликвидации советской власти в СССР и создания так называемого «союза демократических республик», основанного на принципах буржуазного государства.

В порядке осуществления практического руководства «демократическим движением» в 1969 г. противником были разработаны «Тактические основы демократического движения», содержавшие развернутые рекомендации по организации подрывной работы. Одной из главных была рекомендация блокирования враждебных элементов с националистами, в том числе сионистами, а также реакционными

церковниками и сектантами».

Часть 2

КГБ против «миссионеров свободы»

Мы считаем, что наиболее эффективной борьба КГБ против попыток западных спецслужб разрушить советский строй изнутри была при Ю.В. Андропове. 18 мая 1967 г. он был назначен решением Политбюро новым руководителем Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР. Он стал не только самым многолетним, но и самым авторитетным руководителем советской госбезопасности.

Норман Полмар и Томас Аллен, авторы широко известной в мире «Энциклопедии шпионажа» подчеркивали, что «в годы председательства Ю. Андропова КГБ завоевал себе относительно прочную репутацию мощного спецведомства».

Нельзя не коснуться и вопроса о том, как новый руководитель КГБ был воспринят своими коллегами на Лубянке. Один мемуарист просто воспроизводит мнение одного из работников аппарата ЦК в связи с назначением Ю.В. Андропова председателем КГБ при СМ СССР:

– Ребята, вам повезло!

Генерал-майор КГБ Ю.И. Дроздов, уже до мая 1967 г. неоднократно встречавшийся с секретарем ЦК КПСС Ю. В.

Андроповым, высказался по этому поводу более пространно: собранная чекистами в ЦК КПСС на своего нового шефа «информация была благоприятна: опытный государственный деятель, контактный, интеллигентный человек, способный дойти до понимания проблем рядовых исполнителей, умеющий быстро разбираться в людях, их деловых качествах».

Андропова, отмечал Дроздов, встретили с надеждой на реорганизацию спецслужб: «Ждали, что станет больше порядка, организованности, меньше волюнтаризма, злоупотребления, нарушений законности». И эти надежды оправдались, подчеркивал Юрий Иванович.

Между тем, член Политбюро ЦК КПСС А.Н. Яковлев сообщает, что Андропов «писал доносы в ЦК КПСС на несогласных с политикой партии». Подчеркнем, что, в отличие от других, академик А.Н. Яковлев не мог не знать, в силу своего прошлого должностного положения, что Председатель КГБ действовал в строгом соответствии с существовавшей тогда нормативно-правовой базой деятельности органов государственной безопасности, что лишь лишний раз свидетельствует о безукоризненно четком следовании Андропова должностным обязанностям.

Статья 3 Положения о КГБ гласила: «Комитет государственной безопасности работает под непосредственным руководством и контролем Центрального Комитета КПСС.

Комитет госбезопасности при СМ СССР несет ответ-

ственность за обеспечение государственной безопасности в стране и систематически отчитывается о всей проводимой им работе перед ЦК КПСС и Советом Министров СССР, а местные органы КГБ – соответственно перед ЦК компартий союзных республик, крайкомами, обкомами, горкомами, райкомами партии и Комитетом госбезопасности при Совете Министров СССР».

Подчеркнем также то чрезвычайно важное обстоятельство, что многие авторы, писавшие как о КГБ, так и о Ю.В. Андропове, как бы выводили за скобки, оставляли вне своего и своих читателей рассмотрения, реальную разведывательно-подрывную деятельность спецслужб иностранных государств против СССР. Что объективно лишало их возможности понять и раскрыть сложную диалектику политико-дипломатического и разведывательного противоборства в геополитическом соперничестве двух сверхдержав и представляемых ими блоков.

* * *

Для правильного понимания реального места и роли КГБ СССР в истории нашей страны следует остановиться на крайне важном и незаслуженно обойденном вниманием вопросе о роли Политбюро ЦК КПСС в выработке и реализации политики обеспечения безопасности Советского Союза. Многие авторы, писавшие об Андропове, выражали недо-

умение по поводу того, что председатель КГБ при СМ СССР был введен в состав высшего коллегиального органа политического руководства страны, подчеркивая, что такого не было в истории нашей страны с 1953 года.

Отвечая на недоуменный вопрос – а почему это вдруг председатель КГБ стал членом этого высшего политического органа Советского Союза? – давайте попытаемся объективно ответить себе: а являлось ли целесообразным присутствие именно в этом коллективном органе государственного управления руководителя ведомства, отвечающего за обеспечение государственной или национальной безопасности страны? Тем более, в обстановке «холодной войны»?

На наш взгляд, ответ на этот вопрос вполне очевиден.

Избрание в Политбюро, даже в качестве кандидата в его члены, означало приобретение дополнительных должностных обязанностей и полномочий, в частности, запрашивать дополнительную информацию, анализировать ее, высказывать предложения и мнения. Кандидаты в члены Политбюро ЦК (ПБ) участвовали с правом совещательного голоса в его еженедельных заседаниях в Кремле, в зале, примыкавшем к еще одному, «парадному» кабинету Генерального секретаря (второй его, «рабочий» кабинет под номером 6, находился на пятом этаже подъезда 1 А главного здания ЦК КПСС на Старой площади).

Являясь выражением принципа коллективности (коллегиальности) выработки партийно-государственных решений,

заседания Политбюро ЦК должны были способствовать углубленному рассмотрению важнейших вопросов внутренней и внешней политики Советского Союза, встававших перед страной проблем, многостороннему и компетентному подходу к их разрешению.

В том числе и в первую очередь, связанных с развитием кризисных ситуаций в нашей стране или за рубежом («Пражская весна» 1968 г., «Апрельская революция» в Афганистане в 1978 г., политический кризис в Польской Народной Республике в 1980 г. и т. д.).

Решения Политбюро принимались единогласно. Или – с учетом мнения Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева. В случае возникновения разногласий между соисполнителями, окончательное решение принималось членами ПБ и оформлялось соответствующими постановлениями.

Таким образом, реальное значение этого коллективного органа управления было намного более значимым, чем это указывалось в Уставе КПСС, поскольку он рассматривал, обсуждал и утверждал решения, обязательные для исполнения как Советом Министров СССР, так и другими государственными ведомствами, фактически вырабатывая основы политики государства в международной и внутривнутриполитической сферах жизни Советского Союза.

В Политбюро, особо подчеркнем, в брежневско-андроповский период, поскольку этот порядок впоследствии был

отменен при М.С. Горбачеве, – рассматривались и утверждались тезисы бесед советских руководителей с иностранными делегациями, в том числе и советские позиции по «деликатным» международным и внутривластным вопросам, которые могли бы быть подняты в ходе переговоров.

Предварительные «позиции советской стороны», подготовленные специалистами соответствующих ведомств, фиксировались письменно, согласовывались и в обязательном порядке рассматривались председателем КГБ, главами МИДа и Министерства обороны. Некоторые вопросы внутренней политики также согласовывались с участием Генеральной прокуратуры СССР, а также министерств юстиции, здравоохранения и т. д.

* * *

Я бы, тем не менее, не спешил обвинять Политбюро «в узурпации власти», поскольку и премьер-министр Великобритании, являющийся лидером правящей партии, также не является абсолютно свободным в принятии аналогичных политических решений и должен считаться как с мнениями партийного руководства, так и компетентных специалистов. Это – тоже неписаная политическая традиция старейшей европейской демократии, не закреплённая в конституции данной страны по причине отсутствия последней.

Исторической правды ради следует сказать, что Политбюро

ро внешне являлось наиболее «закрытым» партийным органом – информация о его решениях, ранее строго конфиденциально доводившаяся до заинтересованных органов, стала регулярно появляться в прессе только после 1985 г.

Те же решения Политбюро, что касались некоторых внутривнутриполитических аспектов жизни СССР, публиковались в виде Постановлений ЦК КПСС, нередко – совместных постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР, иногда – совместно с ВЦСПС (Всесоюзным Центральным Советом Профессиональных Союзов).

Заседания Политбюро ЦК проходили обычно по четвергам, с 16 часов до 18–19 часов под председательством Л.И. Брежнева или М.А. Суслова, в крайнем случае – заведующего Общим отделом ЦК (личной канцелярией Генерального секретаря) К.У. Черненко. С июля 1982 г., после избрания Андропова Секретарем ЦК КПСС, иногда он также стал председательствовать на заседаниях Политбюро.

В то же время повестка дня заседаний ПБ ЦК нередко включала более десятка вопросов, по каждому из которых был назначенный заранее докладчик, подготовленные и рассылавшиеся членам и кандидатам в члены Политбюро для предварительного ознакомления проекты решений, обосновывающие их пояснительные записки, подготовленные профильными государственными ведомствами и «завизированные» (согласованные) с соисполнителями.

Материалы к заседаниям – повестка дня, записки и справ-

ки, предложения и проекты решений готовились Общим отделом ЦК КПСС и рассылались членам и кандидатам в члены Политбюро нарочными, как правило, во вторник (иногда членам ПБ они доставлялись фельдъегерской службой). Предложения и проекты решений (постановлений) Политбюро готовились как отделами ЦК КПСС, так и по специальным поручениям соответствующими государственными ведомствами.

Ясно, что очень многие из обсуждавшихся вопросов напрямую затрагивали состояние и вопросы государственной безопасности Советского Союза, социалистического содружества, союзников СССР, требовали согласования с КГБ, Минобороны и МИДом.

Поскольку многие из обсуждавшихся вопросов имели сверхсекретный характер, то и соответствующие документы и решения имели высочайший гриф ограниченного распространения информации – «Совершенно секретно. Особой важности». Указанные документы подлежали хранению в так называемых «особых папках», которые имелись у всех членов ПБ.

Отметим и следующие чрезвычайно важные обстоятельства. «Техническое обеспечение» работы Политбюро в ЦК КПСС осуществляли 5–6 специально выделенных сотрудников Общего отдела ЦК, возглавлявшегося К.У. Черненко, а с 1984 г. – В.И. Болдиным. Помимо этого у каждого члена (кандидата в члены) ПБ ЦК имелись специальные помощни-

ки «по работе в Политбюро», обладавшие наивысшей формой допуска к работе с совершенно секретными документами.

Таким образом, круг секретоносителей, допущенных к «тайнам Политбюро», составлял в СССР несколько десятков человек.

* * *

В силу своего служебного положения Председатель КГБ Ю.В. Андропов являлся наиболее информированным членом Политбюро по многим вопросам как международной, так и внутривнутриполитической жизни страны – этим и объясняется его бесспорное влияние на выработку внешнеполитических позиций и курса СССР. И в этой связи иногда еще высказываемые обвинения в адрес Андропова в «бонапартизме», на наш взгляд, лишены всяких оснований.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.